

С 8 МАРТА – ДОРОГИЕ ЖЕНЩИНЫ!

Москва неформальная

Еще в прошлом году политические неформалы, а их тогда было не больше тысячи, выходя на улицы Москвы, встречали враждебное отношение со стороны большинства ее населения. Сегодня на их митинги идут рабочие, рядовые служащие, интеллигенты, идут, чтобы узнать, как демократы оценивают происходящее, выступить самим. Кто же эти демократы? Каковы их цели? Эти и другие вопросы легли в основу интервью с Галиной Ракитской, членом Центральной комиссии по проблемам движения самостоятельных объединений, клубов и инициативных групп Советской социологической ассоциации Академии наук СССР, клуба «Демократическая перестройка» и общества «Мемориал».

- Галина Яковлевна, быть может, мы и начнем разговор с «Демократической перестройки»?

- На мой взгляд, это клуб либерально-реформистского направления. Кстати, единственный в Москве, который официально зарегистрирован. Он возник еще в 1987 году в рамках движения за перестройку. Сегодня ДП насчитывает не более 60 членов; среди них Андрей Фадин, Павел Кудюкин, Олег Румянцев, Леонид Волков. Еще более 300 человек постоянно посещают наши заседания. Недавно по инициативе клуба была организована встреча организаций социал-демократической ориентации. Значительная часть членов клуба ближе к социал-демократам европейского типа, чем ленинского, большевистского. Их платформой является Франкфуртская декларация. Есть и ортодоксальные марксисты, в моем лице, например.

- О «Мемориале» в последнее время говорят много и по-разному. Не могли бы Вы дать краткую справку и характеристику деятельности общества, особенно за последнее время?

- Как Вы знаете, учредительная конференция «Мемориала», а его отделения сегодня имеются в 180 городах страны, состоялась в январе нынешнего года. Структура общества федеративная - его правление и рабочая коллегия наделены координирующими функциями. Отделения организационно и финансово самостоятельны, отношения между ними регулируются договорами. Поначалу в обществе преобладала тенденция ограничить временные рамки деятельности «Мемориала» сталинским периодом, заниматься прошлым и в меньшей степени сегодняшними проблемами. Но уже в ходе предвыборной кампании, работы съезда, молодая часть общества, во всяком случае, члены его московского отделения, стала резко политизироваться. Так, в выпущенной недавно рекламной листовке «Мемориала» уже написано, что общество борется против тоталитаризма. Заметьте, всего пару месяцев назад, когда обсуждались уставные документы, большинство было против включения в них этого определения. Самое большое, на что тогда решились, - это вписать: мы боремся с последствиями сталинизма.

- Складывается впечатление, что сегодня «Мемориал» начинает играть все более значительную роль в демократическом движении?

- Перед выборами общество создало свою избирательную комиссию. Собственных кандидатов не выдвигали, ибо «Мемориал» официально не зарегистрирован. Зато активно поддерживались те его члены, которые баллотировались по территориальным округам, — Алесь Адамович, Юрий Афанасьев, Виталий Коротич, Андрей Сахаров и другие. Как известно, все они стали депутатами. Во время съезда представители «Мемориала» участвовали в организации массовых митингов в Лужниках.

- А что Вы можете сказать о партии Демократический Союз?

- Это одна из самых серьезных и радикальных организаций. В нее входят фракции, стоящие на разных идеологических платформах. Это социал-демократы, демократические коммунисты, а также либерально-демократическая и христианско-демократическая фракции. У них различные представления о том, какое общество лучше, но сегодня это не является препятствием для объединения. Численность ДС невелика — в Москве несколько сотен его членов. Авторитет ДС постепенно возрастает. Этому способствовал организованный дэсовцами в конце мая в Москве митинг протеста против событий в Тбилиси. И если раньше на эту организацию можно было клеветать, говорить о ней все что угодно, то теперь делать это значительно труднее. Во время работы съезда представители ДС ежедневно собирались на Пушкинской площади, где у них была своя аудитория, для которой радикально-демократическая позиция была более привлекательной. Кстати, членам ДС активно мешали активисты «Памяти», которые тут же на площади в открытую вели антисемитскую пропаганду, ДС по своей программе приближается к народным фронтам Прибалтики. Если Вы посмотрите на программу Демсоюза и, например, НФ Эстонии, то увидите, что они мало чем отличаются.

- Но в отличие от балтийских народных фронтов ДС, как Вы сами заметили, весьма малочислен?

- Во-первых, они очень осторожно относятся к приему в партию. Во-вторых, будучи в самом левом крыле движения, ДС постоянно находится под жестким прессингом властей, которые относятся к этой организации попросту враждебно. Тем самым создается определенный социальный и психологический барьер для тех, кто, быть может, и желал бы вступить в ДС, но сделать такой шаг не решается, ибо сегодня активная работа в этой партии может привести к потере работы и даже потере свободы. Многие члены ДС по существу, вынуждены стать профессиональными участниками движения, или, как раньше говорили, профессиональными революционерами. С другой стороны, московское демократическое движение постепенно все ближе и ближе подходит по мировоззренческим установкам к программе ДС, который еще год назад при своем образовании открыто, объявил, что стоит за

многопартийность, ликвидацию монополии КПСС на власть, множественность форм собственности. Постепенно об этом стали говорить вслух и другие участники демократического движения. Хотя по-прежнему сохраняется разница между ДС, и, скажем, такими как я, считающими себя наследниками и продолжателями лучших традиций марксизма. Мы, например, построено в СССР общество не считаем социализмом и потому социалистический путь нам кажется лучшим вариантом развития человеческой цивилизации. Многие же в ДС, наоборот, говорят, что существующее общество именно и есть социализм, и на этом основании относятся к нему скептически — утверждают, что общественная собственность нам не нужна, потому что вот она какая.

- Мы говорили о радикальном, либерально-реформистском крыле.

- Есть еще одно ответвление либерально-реформистского направления, представленное наиболее ярко клубом «Московская трибуна». Его члены — Андрей Сахаров, Лен Карпинский, Леонид Баткин, Алесь Адамович, Евгений Евтушенко, многие другие известные в стране люди. Возглавляет его Юрий Афанасьев. Это клуб элитарного типа, задуманный как некое подобие Римского. МТ создавалась с целью давать советы правительству. Но оказалось, что правительству советы клуба не так уж и нужны. Правительство может привлечь экспертов и получить совет такой, какой желает, а не тот, который ему даст «Московская трибуна». Клуб как бы примыкает по преобладающему в нем мировоззрению к реформаторскому крылу в руководстве КПСС, он явно не стремится влиться в «разночинное» движение и стать его лидером. Заседания клуба очень смахивают на ученый совет, где обсуждаются политические вопросы, которые неформальное движение «проходило» уже год или полтора назад. Сегодня члены МТ пишут обращения и декларации. «Разночинное» движение же вышло на новые формы работы, которые носят пропагандистский политический характер, привлекают значительные массы народа. «Московская трибуна» пока не нашла своего места в демократическом движении. Клуб все еще выступает за реформы сверху. Считаю, что сегодня «Московская трибуна» приносит больше вреда, чем пользы движению. Она, по существу, раскалывает его - одни люди угодны МТ, ибо их взгляды соответствуют ее понятию о том, что хорошо, а что плохо. Другие, как, скажем, члены ДС, в клуб прийти не могут, власти ведь плохо относятся к Демсоюзу. Когда практически все московские неформальные организации впервые объединились, чтобы совместными усилиями провести 21 мая большой предсъездовский митинг, встал вопрос: давать слово ДС или нет. Все, конечно, были «за» и только представители «Московской трибуны» очень сомневались. В итоге представитель социал-демократической фракции ДС получил слово, но с оговорками: что желательно говорить, а что нет...

- Вот вы сказали – разночинное «движение», что Вы под этим понимаете?

- Видите ли, нынешнее независимое общественно-демократическое движение возникло, по историческим аналогиям, как разночинное. Его участники - студенты, рядовые инженеры, научные работники. Естественно, они всегда испытывали потребность привлечь в свои ряды интеллигенцию с определенным статусом в обществе. Это удается с большим трудом. На наши дискуссии приходили лишь отдельные ее представители. Они не становились членами наших клубов, держались в стороне, опасаясь, видимо, за возможные последствия. Статусная интеллигенция выбрала для себя иные формы активной деятельности, занялась, например, преобразованием печати. Там они реализовали свои творческие потенции, сыграв величайшую роль, как в становлении движения, так и развитии демократического сознания народа. Но повторяю, новые формы движения они не осваивали, и неформальные организации страдали от этого.

- Может ли кто-то еще в Москве реально организовать в партию?

- Организация «Гражданское достоинство», которая сейчас учредила оргкомитет по созданию конституционно-демократической партии. Их главная цель - борьба за политические права и свободы. Кампанию по возрождению забытых форм уличной политической жизни, в том числе и демонстраций, они начали еще весной 1988 года. Экспериментировали на себе: первыми пошли по всем ступенькам процедуры - подали заявку на демонстрацию - получили отказ, и так далее. Кстати, вполне вероятно, что в России в ближайшее время возникнет и социал-демократическая партия.

- Недавно в печати я столкнулся с упоминанием о Конференции анархо-синдикалистов (НАС). Каковы их взгляды?

- Программные документы КАС - социалистической ориентации. Ее члены считают, что, во-первых, общество должно быть устроено как конфедерация самоуправляющихся общин. Во-вторых, ратуют за создание эффективного механизма социальной защиты трудящихся, в том числе за свободные профсоюзы. Эта организация имеет свою сеть по всей стране и состоит в основном из молодежи. Например, те, кого я знаю лично - грамотные, хорошо подготовленные студенты-историки, они прекрасно понимают, что происходит в нашем мире, ищут контакт с рабочими.

- Реально ли у нас сегодня называть себя партией, как, скажем, это провозгласил ДС. Ведь для того, чтобы та или иная организация могла действительно реализовать себя как партия, в стране должны быть прежде созданы необходимые условия для парламентской борьбы?

- В демократическом обществе под партией принято понимать такое движение, которое равноправно на выборах с другими организациями. Те, кто у нас называет себя партией, будь то ДС или другая организация, тем самым заявляют о степени своей решимости и организационного единства. И в этом их главное отличие от клубов.

- В Москве, как и у нас, тоже есть свои фронты?

- Да, это Московский НФ, Российский НФ и Национально - патриотический фронт «Память». МНФ возник в прошлом году, когда ряд московских клубов захотели как-то объединиться по примеру Балтии. Увы, это было явно преждевременно, ибо в отличие от балтийцев не очень-то ясно было, вокруг чего объединяться и за, что всем вместе бороться. Естественно, из этого ничего не вышло. Тем не менее, несколько групп все же решили работать вместе, объявив себя Московским народным фронтом. Тогда их было человек 300, не более. В отличие от клубов и тех, кто считает себя партиями, члены МНФ решили действовать на более широкой основе. Были попытки наладить связи с народом, создавать группы поддержки. Нельзя сказать, что они увенчались особым успехом. Дело в том, что с одной стороны МНФ хотел быть широким демократическим движением, с другой — его руководители не понимали, по крайней мере еще год назад, что такое движение возможно лишь на основе федеративной структуры. Они бились всю осень, зиму и наконец, в мае провели Учредительную конференцию.

- Недавно мы узнали об образовании Российского народного фронта...

- Знаете, если мы раньше называли фронтом без народа МНФ. то теперь это название, пожалуй, более подходит именно к Российскому НФ. При создании его учредители заявили примерно следующее: «Вот мы есть, давайте все к нам, мы вами будем руководить». Все это отдает авантюризмом. Расчет явно на то, что если уж не сильным, то слабым немосковским организациям непременно захочется к ним прислониться. Лидеры РНФ, такие как Валерий Скурлатов, по своим взглядам ближе к «Памяти».

- В Балтийских странах к «Памяти» сложилось разное отношение: одни считают, что она борется за национальное возрождение России, другие полагают, что это фашисты, не принимают ее из-за ее дремучего антисемитизма.

- На мой взгляд, эта организация, смыкаясь с реакцией, открыто борется с демократами. Дай ей волю, и она может повергнуть Россию в черносотенную пучину. Не знаю, чего там больше: антисемитизма, или они, пользуясь тем, что в некоторой части народа живы антиеврейские настроения, хотят разгромить демократов. Как это и было всегда: чтобы отвлечь народ от истинных врагов, его натравливают на придуманных — масонов, сионистов, мало ли кого там еще.

- Можете ли Вы сформулировать ближайшую цель движения на новом этапе?

- Это победа демократических сил России на выборах в ее высшие органы власти. Мы за свободную суверенную федеративную Россию в демократическом союзе народов. <http://www.agitclub.ru/>

Беседовал СЕРГЕЙ ЗАХАВО

Опубликовано в газете "Атмода" №33.7 августа 1989 г.

МИФ ЛЕВЫХ О МОНДРАГОНЕ Что мы хотели узнать в Мондрагоне

Г.Ракитская

О реальных проблемах и трудностях, с которыми сталкиваются трудящиеся в осуществлении на предприятиях функций управления (участия в управлении) лучше всего судить по опыту тех стран, в которых трудящимся уже не надо бороться за право на управление. Наиболее интересны в этом отношении предприятия, которые находятся в акционерной собственности работников (контрольный пакет у работников) и предприятия-кооперативы.

О системе рабочих кооперативов в г. Мондрагоне и его окрестностях у нас знают немногие, а если знают - то понаслышке, из третьих рук. На Западе об этих кооперативах, их истории и современном положении написано много. Есть публикации и на русском языке.

При знакомстве с публикациями, при личных беседах с людьми, побывавшими в Мондрагоне, у меня появились вопросы, на которые ни публикации, ни устные беседы не дали ясных ответов.

Убежденные сторонники производственной демократии, коллективной собственности иной раз критически оценивают ряд моментов в организации внутренней жизни кооперативов Мондрагона. Есть много суждений и предложений о том, как можно усовершенствовать рабочий кооператив, отталкиваясь от опыта мондрагонской группы кооперативов. Однако среди западных левых распространено излишне восторженное, на мой взгляд, отношение к мондрагонским кооперативам. Суть их оценок такова:

- система рабочих кооперативов Мондрагона - прообраз такого общества, в котором управляют сами трудящиеся;
- в кооперативах Мондрагона справедливо распределяются доходы;
- решаются на бесконфликтной основе социальные проблемы и противоречия.

Часто поклонники мондрагонских кооперативов в своих рассказах о них сосредоточивают внимание на фактах, которые доказывают высокую экономическую эффективность этих предприятий. Перечисляют наименования продукции, которые делают в кооперативах Мондрагона; называют страны, в которых она продается и т.п. Словом, всеми силами пытаются показать, что самоуправляющиеся предприятия могут конкурировать с другими, а рабочие кооперативы могут производить современную продукцию. У меня такие рассказы вызывают странное, даже неприятное впечатление. Я не очень понимаю, зачем доказывать, что рабочие, живущие в Стране Басков, способны работать не хуже других, в условиях современных технологий, производить продукцию хорошего качества. Гораздо важнее, по моему, постараться понять, что не получается в рабочих кооперативах Мондрагона, почему не получается и какие уроки следует из этого извлечь тем, кто стремится к развитию производственной демократии в своей стране, на своем предприятии.

Именно так мы с С.Л.Бертони понимали свою задачу, когда нам довелось летом 1995 г. побывать в Мондрагоне (С.Л.Бертони - координатор московского отделения Transnationals Information Exchange (ТИЕ) - международной организации, осуществляющей функции независимой сети связи и обмена информацией в рабочем и профсоюзном движении).

Когда и кем была создана группа мондрагонских кооперативов.

Город Мондрагон находится на севере Испании в Стране Басков - одной из автономных исторических областей Испании. (Баскское название этого города - Аппасат).

Кооперативы в Мондрагоне возникали и действовали более или менее успешно в разное время. Но первый кооператив (его название - УЛЬГОР) из той группы, которая теперь стала знаменитой и пристально изучается, был основан выходцами из рабочих семей в 1956 г. на базе купленной ими на свои средства небольшой обанкротившейся фирмы по производству электрических и других изделий для домашнего хозяйства (кухонные плиты и др.).

Сейчас группа кооперативов Мондрагона объединяет около 170 предприятий, в которых занято 20-21 тыс. человек. Это не разрозненные кооперативы, расположенные в одной местности, а по сути, единая корпорация (что и отражает ее испанское название - Mondragon Corrogacion Cooperation). В корпорацию входят промышленные кооперативы (более 80), несколько сельскохозяйственных и жилищных кооперативов, технологическое училище, технологический исследовательский институт и другие организации, обслуживающие нужды всей корпорации. Огромную роль играет банк, созданный самими кооперативами и обслуживающий их. В корпорацию входят сейчас и несколько кооперативов, расположенных за пределами города Мондрагона.

Об инициаторе создания и основателе мондрагонской группы кооперативов иной раз пишут, что он придерживался левых и даже социалистических взглядов, и называют "красным священником". Дон Хосе Мария Арисменди-Ариетта действительно был католическим священником. Но когда мы спросили в Мондрагоне о взглядах Арисменди, нам разъяснили, что левым (тем более социалистом) его вряд ли можно считать. Нам объяснили, что Арисменди-Ариетта придерживался социальной доктрины католической церкви. Об этом упоминают и

некоторые авторы, пишущие о Мондрагоне (например, Роберт Стоун и Элизабет Боуман). Какое отношение это имеет к кооперативной корпорации, основанной Арисменди? По мнению наших собеседников в Мондрагоне - самое прямое.

Кооператив как способ выживания рабочих

В пятидесятых годах в Испании все еще существовал фашистский режим Франко. Профсоюзы, забастовки, левые партии были под запретом. Рабочее движение не имело никаких легальных возможностей отстаивать права трудящихся. В Стране Басков условия жизни большинства населения были одними из самых тяжелых в Испании - нищета, безработица, неграмотность. Арисменди нашел, пожалуй, единственный в тех условиях способ, как можно людям самим, без посторонней помощи выжить в тяжелых условиях. Организация кооперативов вскладчину; очень напряженный (интенсивный) труд для того, чтобы кооперативы стали на ноги и завоевали свою нишу на рынке; невысокая зарплата для того, чтобы вкладывать подавляющую часть прибыли в производство, - все это было для рабочих способом их выживания, борьбой за существование, а не реализацией красивых идеалов производственной демократии, социализма.

В настоящее время, как и во времена Арисменди, в группе Мондрагонских кооперативов (как и во всех других кооперативах Испании) профсоюзы не могут защитить права и интересы рабочих, если рабочие являются членами кооператива. Член кооператива может вступить в какой-нибудь профсоюз, но с точки зрения испанских законов он - собственник, а не наемный рабочий. Законы, определяющие права профсоюзов, членов профсоюза, а также трудовое законодательство распространяются в Испании только на наемных рабочих. А права членов кооператива регулируют другие законы, которые относятся только к кооперативам.

Конкретно это означает, что государственные гарантии в области оплаты труда, продолжительности и режима рабочего времени, пенсионного обеспечения и др. - все это не для рабочих-собственников (членов кооператива). Положения отраслевых соглашений между профсоюзами и предпринимателями также не относятся к членам кооператива. Кооперативы вынуждены создать собственную систему социального обеспечения. Нам рассказали, что в Мондрагоне стремятся к тому, чтобы заработная плата рабочих в кооперативах не отставала от заработной платы рабочих частнокапиталистических предприятий - от того уровня, который предусмотрен в соглашениях между профсоюзами и предпринимателями на предприятиях аналогичного отраслевого профиля. Но, повторяю, уровень зарплаты, по законам, может быть у членов кооператива меньше, чем на предприятиях других форм собственности. Низкая зарплата, более продолжительный рабочий день - это вполне законно, если такова воля органов, принимающих решения в кооперативах.

Здесь надо иметь в виду, что в группе мондрагонских кооперативов член кооператива, пока работает, получает только заработную плату. Часть прибыли распределяется между всеми членами кооператива (пропорционально их трудовым вкладам - уровню оплаты и отработанному времени). Двадцать лет назад было введено правило: своей долей прибыли работник не может воспользоваться в любой момент, когда захочет. Она перечисляется на специальные индивидуальные счета, и получить накопившуюся сумму можно только при увольнении, в том числе при уходе на пенсию. Член кооператива получает периодически наличными только банковские проценты, которые начисляются на сумму его индивидуального счета.

Кооператив может при увольнении работника удержать в свою пользу часть суммы, накопившейся на его индивидуальном счете (до 20% суммы). Это правило, как нам разъяснили, применяется не ко всем, а к некоторым категориям работников. Оно введено для того, чтобы предотвратить утечку ценных кадров к конкурентам.

Получается, что реальный уровень жизни рабочего-собственника (члена кооператива) мало чем отличается от уровня жизни наемного рабочего. Он, как и наемный рабочий, живет на зарплату. Но защищенность уровня оплаты и режима его труда не гарантирована, ни государством, ни профсоюзом. К тому же возможность получить свою долю прибыли только при увольнении ставит работников в ситуацию сложного выбора: лишиться рабочего места в кооперативе, если понадобятся деньги, или же залезать в долги, чтобы не потерять работу.

Ограничение на свободу распоряжения заработанными средствами никак нельзя отнести к числу демократических норм внутренней жизни мондрагонских кооперативов. Конечно, отчисление части прибыли в резервные и другие общие фонды кооператива, из которых должны финансироваться развитие производства, социальные программы кооператива - это вполне нормальный порядок. Но ограничение права рабочих на распоряжение частью прибыли, предназначенной для их индивидуального потребления, роднит мондрагонские кооперативы с частнокапиталистическими предприятиями, а не отличает от них.

Подобные приемы широко применяются во многих странах на частнокапиталистических предприятиях, практикующих участие рабочих в прибыли. Это позволяет собственникам-капиталистам сдерживать рост заработной платы под предлогом участия рабочих в прибыли предприятия и использовать по своему усмотрению и в своих интересах средства, вроде бы принадлежащие рабочим. Необходимость продержаться в условиях жестокой конкурентной борьбы с предприятиями других форм собственности воздействует на внутренние порядки в кооперативах, заставляет их поступаться принципами свободы и справедливости по отношению к отдельным работникам.

Нужны ли рабочим-собственникам профсоюзы и демократическое государство

В истории существовали, существуют и сейчас разные конкретные формы производственных коллективов - община, артель, бригада, колхоз, коммуна, кибуц и пр. Для рабочего и профсоюзного движения крайне опасно ставить знак равенства между коллективными и демократическими формами трудовой жизнедеятельности. Этим часто грешат (из самых лучших побуждений) многие противники капиталистической эксплуатации. Многие искренне думают, что коллективное владение имуществом предприятия и коллективное принятие управленческих решений - это и есть производственная демократия, которая лучше всего отвечает интересам трудящихся, лучше всего может их защитить от внешнего давления, внешнего произвола.

Однако последовательно демократические научные теории и жизнь конкретных предприятий доказывают, что характер отношений внутри производственных коллективов (социальная природа этих отношений) существенно зависит от характера общественного строя. Только при действительно демократическом, последовательно демократическом характере общественной системы (без всяких уступок методам произвола, методам диктатуры) могут сложиться и устойчиво поддерживаться в коллективах демократические порядки.

Что значит демократический характер общественной системы? Это значит в первую очередь, что в обществе установлены, закреплены в законах и защищаются всей силой государства личная свобода и равноправие всех граждан. Демократическим, следовательно, можно считать только такое коллективное самоуправление, которое не посягает на личную свободу и равноправие членов коллектива, не ущемляет законных прав членов коллектива во имя интересов всего коллектива или каких-либо его групп. Поэтому лучше, говоря о коллективном управлении (или самоуправлении), отвечающем интересам рабочих, называть его так: "коллективное демократическое самоуправление", или же "коллективное (в рамках демократических законов) управление".

Встречаются сторонники коллективного управления, которые считают нормальным, когда коллектив избавляется от тех, кто не всегда подчиняется его воле. Например, коллектив решает работать по 10 часов, а кто-то отказывается выполнить это решение, так как по закону продолжительность рабочего дня меньше. В СССР в период массового распространения бригадной формы организации труда (конец 70-х - начало 80-х годов) давление бригадных коллективов на отдельных работников было далеко нередким явлением. Из бригад выживали тех, кто не хотел считаться с самодельной бригадно-артельной юрисдикцией и моралью.

Невозможно опереться рабочему на закон, на профсоюз, чтобы защитить свои права; отсутствие реальной возможности найти защиту от произвола коллектива в суде и т.п. - вот что я имею в виду, когда говорю о зависимости недемократических отношений внутри коллектива от недемократического характера общественного строя.

Примечательно, что сам Арисменди, как мы выяснили, был принципиальным противником профсоюзов в кооперативных предприятиях. И хотя профсоюзы были запрещены в те годы, когда появились первые кооперативы будущей кооперативной корпорации,

антипрофсоюзная позиция Арисменди и его единомышленников сказывалась, видимо, и потом, когда профсоюзы получили законное право на свою деятельность. Сказывается и до сих пор.

Основатели группы мондрагонских кооперативов считали, что профсоюзы внесут в коллективы ненужное противостояние, конфликты. Видимо, они представляли себе коллектив, его демократические потенции в излишне розовом свете.

Члену кооператива нужно демократическое государство, нужен профсоюз, коллектив, коллективизм - это еще не демократия и, конечно, это не социализм, если под социализмом понимать строй, освобождающий трудящихся от эксплуатации, от произвола, защищающий права и интересы трудящихся. Подтверждение этому теоретическому положению мы искали и нашли в Мондрагоне.

Направляясь в Мондрагон, мы поставили перед собой как одну из главных задачу разузнать, есть ли в мондрагонских кооперативах какие-либо социальные механизмы, похожие на профсоюзные, - такие механизмы, которые на деле выполняют функции профсоюзов по защите интересов отдельных работников, отдельных профессиональных групп от давления коллектива и администрации.

Литература о Мондрагоне весьма глухо касается этой темы. Касаясь проблемы конфликтов внутри коллектива, рассказывают обычно о знаменитой и единственной за всю историю мондрагонских кооперативов забастовке в 1974 г. Бастовало более 400 членов кооператива. Они протестовали против введения изменений в оплату труда, которые создавали несправедливую с их точки зрения дифференциацию зарплаток. Администрация уволила руководителей забастовки (более 20 человек), а общее собрание не защитило уволенных, поддержало решение администрации. Остальные бастовавшие были оштрафованы (в размере месячной зарплаты). А по поводу забастовок было принято специальное внутреннее решение, запрещающее их проводить. Уволенные были вновь приняты в кооператив лишь через четыре года.

В структуре управления мондрагонских кооперативов существуют сейчас Социальные советы. Они появились не сразу, а по мере выяснения необходимости как-то гасить назревающие трудовые конфликты. Этот орган формируется из людей, избираемых членами кооператива в каждом цехе. Социальный совет, по замыслу, должен быть органом, который помогает работникам осуществлять контроль за деятельностью администрации, содействует разрешению индивидуальных конфликтов, получает необходимую работникам информацию и пр. На практике Социальным советам далеко не всегда удается выполнять эти функции. Среди рабочих существует мнение, что Социальные советы находятся под влиянием администрации. Следует учесть, что в конце 70-х - начале 80-х годов администрации удалось избавиться от многих активных людей левых взглядов. Социальные советы действительно подпали под контроль администрации. Сейчас некоторые из членов кооперативов, имеющие связи с левыми профсоюзами или вступившие в профсоюзы, начинают применять тактику внедрения в Социальные советы, чтобы преобразовать их изнутри в органы типа рабочих комитетов, т.е. так, чтобы они более активно и последовательно отстаивали интересы рабочих.

Считается, что рабочий-собственник не должен бастовать. Ведь он сам, а не капиталист терпит убытки от остановки производства. Забастовавшие в 1975 г. рабочие, видимо, понимали, что кооператив может понести убытки. Но реальная несправедливость, реальное ущемление их интересов подсказало и метод борьбы с теми, кто с этими интересами не считался.

Забастовок в Мондрагонских кооперативах больше не было. Мы спрашивали у членов Социального совета одного из кооперативов Мондрагона, почему не было больше забастовок. Может быть, все проблемы решены? Может быть, надо верить тем литературным источникам, в которых высоко оценивается деятельность Социальных советов, говорится о том, что теперь в Мондрагоне царит прочный социальный мир и почти полное согласие?

Жаль, конечно, что ответы были отрицательными. Боязнь быть уволенными, потерять работу - вот что заставляет рабочих быть осторожными в формах выражения своего недовольства. В Мондрагоне и в целом в провинции Гипускоа, в которой находится этот город, найти работу нелегко. Люди дорожат рабочим местом. К тому же, как нам пояснили, нельзя полностью понять, что происходит в мондрагонских кооперативах, если не учитывать национальный фактор и патриархальность отношений в семьях и на производстве, все еще характерную для Страны Басков.

Борьба за автономию Страны Басков и за независимость Страны Басков - это часть истории Испании и одна из черт современной ситуации. Не буду оценивать целей этой борьбы с точки зрения их соответствия или несоответствия интересам трудящихся Страны Басков. Перескажу лишь мнение тех, с кем мы встречались в нашей поездке в Испанию: люди, которые реально сосредоточили в своих руках управление кооперативами, искусно манипулируют национальными чувствами рабочих-басков, обращаются к национальным чувствам, к национальной гордости, национальной солидарности, когда другие аргументы не действуют. Быть с администрацией - значит защищать Страну Басков. В таком духе администрация "воспитывает" рабочих.

Настоящие, полноправные профсоюзы и демократические законы, защищающие социально-трудовые права рабочих-собственников, нужны - так мы думали, когда направлялись в Мондрагон. И в этом мы убедились, когда были там.

Для российских рабочих этот вывод важен потому, что администрация приватизированных предприятий начинает занимать все более жесткую позицию в отношении профсоюзов. На ряде предприятий администрации удалось убедить рабочих выйти из профсоюзов на том основании, что им, как собственникам (акционерам) профсоюзы якобы не нужны.

На самом деле рабочим не нужны такие профсоюзы, которые работают по указке администрации, по указке владельцев контрольных пакетов акций. Рабочим нужны свои собственные, независимые, боевые профсоюзы. Без них рабочий - будь он членом кооператива, акционером или наемным у капиталиста - оказывается один на один с администрацией и один на один с родным коллективом, если заявляет о своих правах и интересах.

Кто реально управляет?

На предприятиях с собственностью работников, в том числе и в кооперативах, одна из главных проблем - как обеспечить реальное, сознательное участие рядовых работников, рабочих в управлении, в принятии решений; как бороться с бюрократизацией управления в кооперативах. Эта проблема не нова для российских трудящихся, для трудящихся всех стран - бывших республик СССР. На большинстве предприятий в СССР рабочие не смогли использовать те возможности участия в управлении, которые открыло принятие в 1987 г. Закона "О государственных предприятиях (объединениях)". Лишь немногие советы трудовых коллективов не стали еще одним придатком администрации наряду с профсоюзными комитетами. Администрация быстро освоила способы манипулирования общими собраниями и конференциями трудовых коллективов.

Сельскохозяйственные кооперативы в СССР (колхозы) были бесправны, все главные решения принимались не колхозниками, а партийными и хозяйственными чиновниками, волю которых проводил председатель колхоза. Возникшие в последние годы существования СССР такие формы, как коллективный и семейный подряд, внутрихозяйственная аренда могли стать реальным шагом по пути к внутриколхозной демократии, но развитию в эту сторону препятствовала недемократическая (командная) обстановка в стране.

Сейчас на приватизированных предприятиях работники-владельцы акций столкнулись с тем, что они не могут толком объединиться, чтобы их голоса были весомы на собраниях акционеров. И это - даже на тех предприятиях, где работники первоначально получили 51% акций. Часть рабочих стала теперь продавать свои акции. Часть - не продает, но передоверяет свои голоса администрации или руководителям профсоюзов, которые поддерживают администрацию (входит в создаваемые ими трасты).

Зарубежная практика родила различные способы, позволяющие рабочим-акционерам объединять свои голоса. В частности, в Испании существуют трудовые акционерные общества - предприятия, работники которых имеют в своей собственности не менее 51% акций. Законом предусмотрен следующий порядок: рабочие-акционеры избирают своего представителя в Совет директоров, который голосует всем пакетом акций рабочих и так, как его уполномочило собрание рабочих-акционеров. Отозвать и заменить его можно в любой момент. Интересно, что закон предусматривает возможность обеспечения кворума на собрании при помощи судебных исполнителей, если группа работников-акционеров обращается в суд в связи со срывами собраний из-за неявок.

В ходе российской приватизации все способы такого рода были сознательно заблокированы, чтобы не допустить в акционерных обществах рабочего контроля, реального влияния коллектива на управленческие решения.

Что касается мондрагонских кооперативов, то в них ситуация в сфере управления больше всего напоминает колхозы СССР. Голосования на собраниях осуществляются по принципу "один человек - один голос". Формально у рабочих есть все права и возможности управлять кооперативом. Но реально в большинстве кооперативов есть группы (администрация или специалисты), которые готовят решения. Пользуясь пассивностью рабочих, недостаточной их информированностью о положении дел (часто администрация сознательно фильтрует и искажает информацию), а также излишней доверчивостью рабочих эти группы так или иначе проводят те решения, которые считают нужными. И далеко не всегда эти решения выгодны всему коллективу, рабочим.

В мондрагонских кооперативах есть, казалось бы, все возможности для развития производственной демократии. Но она не складывается автоматически. Для того, чтобы производственная демократия была не формальной, а реальной, требуются сознательная активность рабочих, их стремление вникать во все дела кооператива, умение организоваться внутри самого кооператива. Такой активности и такого умения у рабочих мондрагонских кооперативов пока еще недостаточно. Тут могли бы рабочим помочь их собственные профсоюзы - но профсоюзов в мондрагонских кооперативах нет.

Кооператив как коллективный эксплуататор

По испанским законам в кооперативах могут быть наемные работники, которые не являются членами кооператива. Закон ограничивает число таких работников, устанавливая максимально допустимый процент наемных рабочих в общей численности работников (10% в одном кооперативе и больше, если у кооператива есть филиалы). В литературе о Мондрагоне упоминают, о том, что фактически в кооперативах (в том числе и в мондрагонских) эта норма так или иначе обходится и в кооперативах работает больше наемных, чем разрешает закон.

Но главное не в том, сколько наемных рабочих имеет кооператив. Главное, - каково положение наемных. А положение это в корне отличается от положения членов кооператива. Казалось бы, нет никаких принципиальных сложностей в такой организации дела, которая давала бы наемным рабочим участвовать в принятии решений, касающихся их собственного положения на кооперативном предприятии. Не сложно и организовать дело так, чтобы рабочим начислялась доля в прибыли, пропорциональная их трудовому вкладу за время работы в кооперативе. Но таких порядков в мондрагонских кооперативах нет.

Наемные рабочие не имеют права голоса на собраниях. Наемные рабочие получают только зарплату, т.е. у них нет права на долю в прибыли кооператива. Наемные работают на основе временных контрактов и потому боятся выразить свое недовольство, чтобы контракт был продлен. У наемных есть право выбирать своих представителей для взаимодействия с администрацией, но для этого надо проработать в кооперативе не меньше трех месяцев. Администрация старается перемещать наемных из кооператива в кооператив, чтобы не дать им возможность использовать право на организованное представительство своих интересов.

По отношению к наемным рабочим кооператив выступает как коллективный эксплуататор. И это опять же позволяет сделать вывод о сходстве социальной природы мондрагонских кооперативов с колхозами в СССР, которые самым откровенным образом эксплуатировали труд наемных сезонных рабочих.

Система мондрагонских кооперативов в лице некоторых своих структур является учредителем и владельцем чисто капиталистических предприятий (например, супермаркетов). Положение рабочих и других рядовых работников в таких предприятиях не имеет ничего общего с положением членов самих кооперативов. Они - наемные эксплуатируемые рабочие, а часть прибыли таких предприятий является дополнительным источником средств для развития системы мондрагонских кооперативов.

Что дает рабочим рабочий колхоз при капитализме

Я не хочу, чтобы у читателей этой брошюры сложилось впечатление, будто мое отношение к опыту мондрагонских кооперативов - резко отрицательное. Это вовсе не так. Моя цель состояла лишь в том, чтобы обратить внимание на следующее обстоятельство: горячие поклонники мондрагонских кооперативов склонны многое преувеличивать в значении этого опыта для рабочих. Возможно, причина - в том, что часть горячих сторонников мондрагонских кооперативов судят о них только по статьям и книгам, написанным другими авторами. А этого явно недостаточно. Для других источником информации были беседы с администрацией, а не с рабочими. И этого тоже недостаточно.

Вспомним, как судили об СССР многие западные левые, которые читали пропагандистские книги, специально предназначенные для того, чтобы изобразить наши порядки лучшими в мире. А многие, приезжая на короткий срок на какие-нибудь конференции, на партийные или комсомольские съезды слушали дежурные речи и верили им, не имея возможности вступить в нормальный контакт с рабочими или колхозниками.

Наш краткий визит в Мондрагон помог понять лишь некоторые стороны жизни системы мондрагонских кооперативов и теперь у нас к рабочим этих кооперативов еще больше вопросов, чем было до поездки. Но главные предположения, с которыми я ехала в Мондрагон, подтвердились, и я могу их считать теперь доказанными.

Кооперативы мондрагонской группы - явление не совсем обычное для капиталистических стран. Их особенности коренятся не в самой кооперативной форме собственности, а в том, что эти кооперативы тесно связаны между собой и технологически, и организационно. В систему входят такие организации, которые обеспечивают устойчивое существование кооперативов: банк; организации, готовящие для кооперативов квалифицированные кадры; исследовательские организации и пр. Экономическая эффективность мондрагонской кооперативной корпорации достигается при помощи согласованности действий ее частей, в том числе при помощи планирования инвестиций, планомерного создания новых рабочих мест и др.

Означает ли это, что систему мондрагонских кооперативов можно считать чем-то вроде маленького кооперативного государства, полностью отвечающего интересам рабочих, как пишет, например, Вадим Белоцерковский? Нет. Не означает.

Производственной демократии в полном значении этого слова здесь нет. Права рабочих не гарантированы государством. Профсоюзы не действуют, тогда как они нужны рабочим-собственникам не меньше, чем наемным. Конфликты, связанные с восприятием ряда порядков как несправедливых по отношению к рабочим, не выходят наружу из-за страха рабочих потерять работу.

Кооперативы эксплуатируют труд наемных рабочих. Различия в размерах заработной платы рядовых работников, с одной стороны, специалистов и профессиональных менеджеров, с другой, увеличиваются. По зарплате они вроде бы и не очень велики: 1 к 4,5; в некоторых кооперативах 1 к 6, а в аппарате управления корпорацией разрыв в оплате может достигать 15 раз. (Соотношение установлено по тарифным ставкам; за единицу принята тарифная ставка для рабочих ручного немеханизированного труда). Но с учетом того, что прибыль распределяется пропорционально заработной плате (и отработанному времени), различия в размерах доходов, с точки зрения рядовых работников, слишком большие. В то же время снижение доходов управляющих и специалистов грозит, по мнению администрации, потерей профессиональных кадров. Это - реальная проблема, которая существует потому, что менеджеры и специалисты, обслуживающие собственников частнокапиталистических предприятий, имеют доходы во много раз больше, чем рабочие.

Главное, что дает рабочим членство в кооперативах Мондрагоны, - это устойчивость занятости. Это говорили нам все, кто судит об этих кооперативах с точки зрения интересов трудящихся.

Мы беседовали в Мондрагоне и с представителем администрации. Из этой беседы, из рекламных проспектов мы узнали много очень интересных фактов, свидетельствующих о высоком качестве продукции, о конкурентоспособности мондрагонских кооперативов. А краткая экскурсия на одно из предприятий убедила нас в том, что труд на этом предприятии организован рационально, технология вполне современная (хотя доля ручного неквалифицированного труда все еще высока). Правда, работники, не имеющие отношения к

администрации, говорили нам о том, что на других предприятиях мондрагонской группы условия труда гораздо хуже, чем на предприятии, которое нам показали.

Вот таков мой отчет перед рабочими России о поездке в Мондрагон. Каков общий вывод?

Всякая форма хозяйствования, которая поднимает активность работников и предлагает свои пути учета и защиты интересов трудящихся, всегда должна нами, участниками рабочего движения приветствоваться. Опыт Мондрагона - наш опыт. Рабочие могут им гордиться. Но было бы глупо гордиться без досконального знания, как на самом деле обстоят дела. Потому что рабочее движение - это движение, которому дорог хороший опыт, которое всегда стремится его распространять, но которое никого не обманывает относительно плюсов и минусов, успехов и недоработок того или иного опыта.

Активность рабочих и профсоюзов должна быть замешана на доброкачественных дрожжах, то есть:

- каков опыт на самом деле мы знаем и ничего в нем не скрываем ни от себя, ни от других;

- мы предлагаем перенять опыт, если он вам нравится;

- мы призываем искать пути и возможности сделать еще лучше, чтобы получились такие формы хозяйствования, которые избавили бы труд от эксплуатации, сделали бы его свободным.

Конечно, опыт кооперативной мондрагонской корпорации, как и другие подобные опыты, лишний раз убеждает, что бороться за освобождение труда на своем предприятии можно лишь в пределах, которые отводит этому имеющаяся в данном обществе государственная власть. Всякий опыт активности трудящихся в хозяйстве рано или поздно, но совершенно неизбежно подводит трудящихся к пониманию, что надо бороться и за свою народно-демократическую политическую власть в обществе. Но это уже совсем другая тема.

"Перспективы и проблемы России. Выпуск 3. Мифы правых и левых (сюжет первый: миф левых о Мондрагоне)". - М.: Институт перспектив и проблем страны, 1995.

АЗЕРБАЙДЖАН. ПОИСК АЛЬТЕРНАТИВЫ

В конце апреля Г.Ракитская, Е.Красников и Т.Измайлов (все - члены "Демократической перестройки") побывали в Баку в гостях у Временного инициативного центра Народного Фронта Азербайджана (ВИЦ НФА).

18 мая в помещении Московского бюро информационного обмена состоялся семинар (организованный в рамках работы центральной комиссии Советской социологической ассоциации по общественным проблемам), на котором о своих впечатлениях рассказала **Галина Яковлевна РАКИТСКАЯ**.

С тем, что происходило и происходит в Азербайджане, большинство из нас знакомы в гораздо меньшей степени, чем с событиями в Армении. Степень дезинформации по отношению к Азербайджану еще больше, чем по отношению к Армении.

Образовался перекосяк в информации, и следовательно, можно сказать, перекосяк в отношении к азербайджанскому народу. В августе 88 г. я была в гостях у комитета "Карабах". Мы три-четыре дня были в Ереване, были на митинге. Вернулись, полные симпатии к этим людям. Но тогда, же возникла острая потребность поехать в Азербайджан. Необходимо было посмотреть и с этой стороны.

И вот месяц назад мы получили приглашение от ВИЦ НФА приехать на информационную встречу участников демократического движения из других регионов страны. К сожалению, из Москвы нас было только трое.

Народный Фронт Азербайджана существует с прошлого лета. Конфликт тогда явно обострялся, дело шло к кровопролитию, а власти ничего не предпринимали, чтобы этот конфликт смягчить. В Азербайджане, как и в Армении, считают, что провокационную роль сыграла своими публикациями пресса (почему-то обычно говорят именно о прессе, а не о тех, кто за ней стоит). Инициатива НФА возникла, в основном, в среде академических институтов, среди поэтов, писателей - "сержантов интеллигенции". Хотя есть и "офицеры" - доктора наук и т.п. Инициаторы и организаторы движения - люди высокого уровня культуры, они, по моему впечатлению, не только по образованности, но и по политической зрелости, по ответственности в целом превосходят уровень лидеров московского движения этого времени.

Если в Москве у власти есть реформистское крыло, то в Азербайджане ничего подобного нет. Была только одна молодежная "перестроечная" газета, но ее главного редактора через два месяца перевели на другую работу. Азербайджанский народ представляет ситуацию в стране только по официальным речам. В деревне - вообще уровень феодализма. Большим шагом вперед было бы издание переводов на азербайджанский язык статей из центральной прессы.

Людям из Инициативного центра НФА - по 30-40, реже - 50 лет. Работают в обстановке постоянной опасности репрессий. По-прежнему там коммандантский час, военное положение, по ночам улицы перегораживают "ежами". Даже во время выборов не проводились собрания. Все встречи - на квартирах или, как они говорят, "на рыбалке". Думаю, даже ДС у нас работает в лучших условиях. Но все мои им похвалы не означают, что я со всем согласна.

Возникло это движение в связи с проблемой Карабаха. Нам говорили, что не менее, чем 90 процентов азербайджанского народа считают Карабах своей неотъемлемой территорией. Не власти им внушают эту мысль, хотя и они подогревают страсти. Так считают и люди из ВИЦ. Две вещи их волнуют больше всего. Первое - отношение в России к тому, что происходит в Азербайджане, что делает Народный Фронт. Лидеров его, естественно, волнует, что их считают националистами. Они осознают необходимость переключения активности народа на общедемократические проблемы.

Второе - страх перед кровопролитием, перед опасностью межнациональной резни в угоду тем, кто спровоцировал этот конфликт. Резню в Сумгаите все они считают провокацией со стороны властей. Но почти все убеждены также, что комитет "Карабах" разжигал конфликт сам, или хотя бы им кто-то манипулировал. Если бы предстоящий процесс комитета выявил правду, это, может быть, убедило бы и азербайджанцев. Необходимо также найти всех истинных виновников убийств и дискриминации с обеих сторон.

В конце декабря в Армению и Азербайджан приехала группа москвичей, в том числе члены "Московской трибуны" А.Д.Сахаров, Г.В.Старовойтова и Л.М.Баткин. Поездка оказалась, мягко говоря, неудачной. В Азербайджане говорят, что эта миссия Сахарова провалилась.

Г.В.Старовойтова и другие специалисты уже давно предлагали несколько вариантов решения проблемы НКАО. Но каждый вариант был приговорен в свое время. Власти своими проволочками просрочили все. Тогда, в декабре, казался еще пригодным такой вариант: НКАО передается Армении, а районы Армении, населенные преимущественно азербайджанцами, - Азербайджану. Перегородка предполагалась сложной, с референдумами, посредничеством третьих сторон и т.п. В более цивилизованном обществе такие варианты реализуются. Так как эта поездка все-таки была поддержана на уровне политбюро, хотя и не публично, то вариант "передела" казался обнадеживающим.

Но азербайджанцы его не восприняли. Если в Армении удалось конспиративно (с пересаживанием из машины в машину и т.п.) встретиться с нелегальным уже "Карабахом", то в Азербайджане контакты организовывали только власти. И власти не дали встретиться им с НФА. Встречи с официальной общественностью проходили в отсутствие понимания. Гости "из центра" упорно настаивали, по словам наших собеседников, на своем варианте решения проблемы, не слушали доводов тех, к кому приехали. Азербайджанцы же были уверены в своей правоте. Диалога не получилось.

Мы же только к концу третьего дня решились высказать свою точку зрения. И это было уже возможно. Мы объяснили, что Нагорный Карабах, Армения вызвали в России симпатии своей борьбой, своей независимой позицией, тем, что маленький народ решается выйти на улицы, бастовать, что в нашей системе "криминально", и т.д. И это было понято, хотя, конечно, обошлось без бурного одобрения. Когда мы уезжали, нам сказали: "Спасибо, что вы приехали узнать правду".

Нам трудно бывает правильно понять их. Не Европа - мусульманская страна, другое мышление, другие стимулы к действию. Был, например, случай, когда раненая женщина-беженка крикнула в толпу: "Вы не мужчины!" - и начался погром. А были случаи, когда таким же обращением насилие останавливалось.

Я поехала в Азербайджан настроенная проармянски. Но я общевовед, и я поехала. Первые полтора дня сидела с закрытым сердцем, но фильмы о беженцах, разговоры с женщинами из стачечного комитета и многое другое заставили меня почувствовать и их боль. Можно говорить, что беженство во многом спровоцировано, но когда видишь кадры, где беженцы сидят у колючей проволоки военной части, сидят семьями на голой земле и не уходят, так как только в армии видят защиту... По азербайджанским цифрам в Армении погибло приблизительно 30 человек (армяне считают, что их погибших в Азербайджане гораздо больше).

На митингах в конце ноября - начале декабря в Баку было до 500 тысяч человек. Ночевали там же, на площади, еду привозили крестьяне, порядок поддерживали дружины рабочих и "афганцы" ("афганцы"-мусульмане - это совсем не то, что у нас: они всегда лучше понимали истинный характер афганской авантюры). Насилия не было, пока не появились войска. Требования были: свернуть строительство одного из заводов в НКАО, снять Погосяна, дать автономию азербайджанцам в Армении или ликвидировать НКАО. Были и лозунги о суверенитете республики. Люди из ВИЦ говорили, что им удалось постепенно сместить акценты в сторону демократических требований. Нейрат Панахов (до того был известен на своем заводе защитой интересов рабочих) и его группа контролировали митинг. Панахов ежедневно требовал клятву, что ни один волос не упадет с головы бакинских армян. И клялись. Слушался его народ, собравшийся на площади, беспрекословно. Власти по существу отдали площадь под контроль возглавляемого Панаховым комитета митинга.

24 ноября появились танки. Сперва заняли телеграф, почту и т.п. и только потом пошли в армянские кварталы. Затем двинулись на площадь. Но там их задержала толпа. Я видела фотографии, где дети увешивают танки цветами, танкисты играют с ними. Среди солдат распространялись листовки Народного Фронта с призывом не применять насилие к участникам мирного митинга.

С холодами народу по ночам оставалось все меньше. Но дать приказ войскам о насилии было, наверное, уже нельзя. И в ночь с 4-го на 5-ое декабря на площадь, где оставалось не более полутора тысяч человек, бросили "спецназов". Разгон был жестоким. Пошли широкие аресты, в том числе среди "афганцев".

Степень отчуждения народа и властей очень велика. Настолько велика, что НФ, не стремящийся к конфронтации, испытывает трудности и с народом. Люди из ВИЦ говорят, что контакты с аппаратом народ склонен сейчас воспринимать как предательство. НФ сделал ставку на регистрацию. Но на встрече с активистами Везиров сказал им, что они - всего лишь кучка, не представляют весь народ, что он может создать НФ без них. Действительно, актив НФА насчитывает не более 300 человек. Но зато группы поддержки не сосредоточены только в Баку, а существуют во всех районах республики. И после той встречи с Везириным НФ сумел собрать более 10 тысяч подписей за свою регистрацию, хотя в Азербайджане это очень сложно.

Трое из ВИЦ были в Таллинне на Балтийской Ассамблее, выступали там. Высказались, в частности, за прямые переговоры с лидерами армянского движения. (Попытки контактов уже были, но неудачные.) И сейчас власти в Азербайджане ведут против них кампанию клеветы: будто они вступили в сговор с "армянскими националистами", подписали заявление с требованием освободить членов комитета "Карабаха". Этого не было, конечно, вряд ли в Азербайджане кто-нибудь решился бы сейчас подписать такое заявление. Сговора не было. Но есть, как мы уяснили для себя, общий исходный пункт для переговоров - и армяне, и азербайджанцы хотят знать всю правду о Сумгаите.

* На задержанных в ночь с 4 на 5 декабря и позже было заведено более 70 административных дел, из них около 20 переросло в уголовные.

<http://www.panorama.ru> ПАНОРАМА. N 4, май 1989

Филимонова Татьяна Ивановна

Работает заведующем Дома Плеханова.

Образование, ученая степень и звание:

Ленинградский государственный педагогический институт им. А. И. Герцена, 1973; Ленинградский финансово-экономический институт им. А. Н. Вознесенского, 1982; кандидат исторических наук

Трудовая деятельность:

В РНБ с 1987 г.

Основные публикации:

Более 40 публикаций, учебные и методические пособия, статьи в отечественных и зарубежных изданиях.

- Пометы Г.В.Плеханова на книгах его библиотеки. Сб. 3. - Л., 1990;
- К вопросу о методологических аспектах историко-философской концепции Г.В.Плеханова // Теоретико-методологические проблемы исторического познания. Т.1. Минск 2000;
- К вопросу о плехановской концепции исторического развития как идеи о становлении человека // К 75-летию Дома Плеханова. 1998-2003. - СПб, 2003;
- Из архива П.Б. Аксельрода. Вып.1. 1880-1892гг. (Русский революционный архив). - М., 2006;
- Методы компьютерного источниковедения в историческом исследовании: информационно-поисковая система "Депозитарий" // История и компьютер.- 2002.- №29;

Членство в национальных и международных организациях, ассоциациях, обществах:

Член российской и международной Ассоциации "История и компьютер", член редакционного совета и редколлегии серии "Русский революционный архив".

<http://www.nlr.ru/nlr/who/text/filimonova.htm>

СВОБОДА! СПРАВЕДЛИВОСТЬ! СОЛИДАРНОСТЬ!

